

КИМ ИРЁН

ЛЮБОВЬ
КОРОЛЯ

ТОМ 1

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44
К40

THE KING IN LOVE

Kim Yi Ryoung

왕은 사랑한다 1 The King is in Love Vol 1

Copyright © 2011, 2017 김이령 (Kim Yi Ryoung)
Originally published by Paranmedia

Russian Translation Copyright © 2024 by EKSMO
Russian edition is published by arrangement with Paranmedia,
through BC Agency, Seoul

Перевод с корейского *Л. Михэеску*

Художественное оформление *А. Андреева*

Иллюстрация на переплете *Naoki dead (Серикова Алесь)*

Ким, Ирён.

К40 Любовь короля. Том 1 / Ким Ирён ; [перевод с корейского Л. Михэеску]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-203636-1

Корея, эпоха Корё. Прошло больше десяти лет с тех пор, как страна покорилась монгольским завоевателям. Люди вынуждены платить дань и принудительно отправлять девушек в жены к монголам.

Юная Ван Сан — единственная дочь Ёнъин-бэка из королевского рода. Вот уже много лет она должна скрывать свою личность, чтобы ее не отдали в жены. Но своенравная Сан привыкла к свободе и, переодетая в мужскую одежду, часто сбегает из дома.

Однажды она встречает наследного принца Вона и его лучшего друга Лина, которые спасли ее от бандитов. Принц, плененный ее красотой, предлагает девушке стать друзьями. С этого момента жизнь всех троих изменится навсегда.

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

© Михэеску Л., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-203636-1

1

ДРУЗЬЯ

Кэгён¹, сердце государства Корё. В этот город ведут все дороги, сюда везут все товары, сюда стекаются люди. Несмотря на вражеские набеги и попытки перенести столицу, Кэгён не одну сотню лет остается главным городом государства, потому что здесь родился будущий основатель Корё — ван² Тхэджо, из-за чего Кэгён считается священной родиной королевской династии.

Гора-хозяин Сонаксан, питаясь энергией горы-предка Пэктусан, ограждает Кэгён с севера, точно гигантская ширма. Высокая вершина Огонсан на западе и низкая Тогамбон на востоке, то есть белый тигр и синий дракон, защищают королевский город справа и слева. Северо-западная возвышенность сменяется юго-восточной равниной — идеальное место выхода на поверхность земной энергии. Королевский дворец строился в строгой гармонии с природным

¹ Кэгён — современный город Кэсон на территории КНДР. — *Здесь и далее прим. пер.*

² Ван — титул корейских монархов. Строго говоря, *ваны* не являлись королями в привычном нам смысле слова, однако по сложившимся историографической и литературной традициям эти титулы в книге будут использоваться как синонимы.

ландшафтом, чтобы в полной мере впитать драгоценную живительную силу¹.

Во дворце живут самые высокородные люди государства: ван и его семья. Казалось бы, государевы подданные должны любить и почитать королевскую семью — потомков первого правителя Корё, в котором текла кровь Горного и Морского богов, однако такие чувства испытывают не все.

Прошло более десяти лет с тех пор, как страна покорила монголам после череды разорительных нашествий. Королевский двор и влиятельные кланы бежали на остров Канхвадо, а простые люди, на чьи плечи легли тяготы сопротивления завоевателям, в конце концов были так истощены, что втайне приветствовали окончательное поражение. Во многом это произошло потому, что даже во время войн людям приходилось платить высокие налоги. Когда наконец пришел мир, рухнул военный режим, для которого ван был всего лишь марионеткой, и правитель вернулся в Кэгён, люди надеялись, что все изменится к лучшему. Но надежды так и остались надеждами: и до монгольских нашествий, и во время вторжений, и после заключения мира простым корёсцам жилось одинаково плохо.

Корё превратилось в вассала монгольской империи Юань, и новым бременем для населения стала выплата дани и принудительная отправка корёских девиц в жены монголам. Сказались на простых людях и последствия двух неудачных попыток монголов завоевать Японию. Как будто мало захватчиков, местная знать тиранила и притесняла народ. Однако ван словно не видел этого и не пытался облегчить страдания низших слоев населения, а лишь по-

¹ «Гора-хозяин», «гора-предок», «белый тигр справа», «синий дракон слева», «место выхода на поверхность земной энергии», «живительная сила» — терминология учения *пхунсу* (корейской формы *фэн-шуй*), в соответствии с принципами которого выбирались места для основания городов, строительства зданий и проч.

ощрял сановников. Конечно, простые люди теряли любовь и почтение к королевской семье.

Ван во всем слушался жену, монгольскую принцессу¹, и в Корё это считали унижительным. Простолюдины между собой часто поливали грязью монарха и его супругу. Вот такая польза была от непопулярного вана: злословя о монархе, люди хотя бы отчасти избавлялись от накопившихся недовольства и гнева.

В такой обстановке и началась эта история.

Если идти вниз по течению ручья Энгечхон, берущего начало за крепостной стеной на вершине Огонсан и пересекающего Кэгён с запада на восток, рядом с мостом Сурюккё можно увидеть большую конную ярмарку, где превосходные скакуны ожидают новых хозяев. Обычно ярмарку посещали самые богатые и знатные люди Кэгёна, но сегодня здесь было непривычно тихо. В ожидании покупателей торговцы, собираясь по двое, по трое, негромко переговаривались о наболевшем.

— Слышал, зять генерала Чана забрал у тебя двух лошадей; ты серебро-то за них получил? — спросил торговца Ёма один из его приятелей.

— Если бы. Был не сам зять, а его слуга. Сказал, что лошади нужны генералу для поездки в Юань и чтобы за платой я пришел к ним в дом. Я-то сходил, только там мне сказали, что отряд уже отбыл, и велели явиться позже.

— Вот это да. Похоже, не заплатят, — вступил в разговор третий.

— Может, генерал и не думал уезжать.

— И ведь не одну лошадь взяли, а две. Тебя не побили, и то хорошо.

¹ Речь идет о двадцать пятом правителе Корё Чхуннёнль-ване (годы правления: 1274–1308) и королеве Вонсон, дочери хана Хубилая. С целью «монголизировать» корёскую династию монголы ввели порядок, согласно которому главной женой корёского правителя становилась юаньская принцесса.

— Как думаешь покрыть убытки?
— Придется в следующий раз завышать цену. Не повезет моему следующему покупателю. А виноваты Чаны и их жадные родственники.

— В этот раз двух лошадей увели, а в следующий раз и трех могут. Не лучше ли подкараулить того слугу и отвести к стражникам, чтобы разобрались?

— Да ты подумай, что со мной тогда будет! Еще самого упекут в темницу, кто тогда мою семью будет кормить? Это же Чаны. Генералу благоволят и ван, и его супруга. От меня и места мокрого не останется. Перед такими, как они, нам только до земли кланяться да падать ниц.

Главой семьи Чан, о котором злоязычничали торговцы, был генерал Чан Суллён. Этнический уйгур, он прибыл в Корё в свите монгольской принцессы как ее доверенное лицо. Его настоящим именем было Самга. В Корё он получил звание генерала и, обладая немалой властью, не брезговал любыми способами обогащения, чем вызывал негодование простого народа. Не только члены его семьи, но даже и его слуги частенько нарушали закон, оставаясь безнаказанными, так как были защищены неприкосновенностью генерала. Тот, кто осмеливался жаловаться, сам подвергался наказанию. Именно поэтому торговцы были настроены так враждебно.

Двое юношей, которые прислушивались к разговору торговцев, рассеянно разглядывая ряды лошадей, покинули ярмарку и пересекли мост. Оба были свежи и хороши собой, хотя их облики разительно отличались. У одного были глаза феникса — небольшие, удлиненной формы, с чуть приподнятыми внешними уголками, правильный высокий нос и полные красные губы, такие чарующие и манящие, что позавидовали бы многие красавицы. Легкая улыбка была слишком искусственной для его возраста и больше подошла бы взрослому мужчине. Черты его спутника были проще, но выразительнее. Прямые брови и нос, спокойный взгляд черных глаз, отражающий ясный ум, плотно сом-

кнутые узкие губы, говорящие о волевом характере. Если первый походил на великолепного павлина, то второй — на благородного белого журавля. Казалось, оба юноши из знатных семей, однако одеты они были очень просто.

— Евнух¹ Чхве Сеён присвоил чужого раба², родственник генерала Чан Суллёна присвоил чужих лошадей... Но никто на них не жалуется, и виновных не наказывают, я правильно понимаю? — спросил похожий на белого журавля.

Его прекрасный спутник покусал нижнюю губу и ответил:

— Все, что мы сегодня услышали, очень печально. Любимчики вана крадут чужие земли, чужих рабов и чужое имущество, будто воры. Люди только об этом и говорят.

— Будда сравнивал человека с мотыльком, летящим на огонь. Похоже, некоторых привлекает адское пламя, ваше высочество.

— Запиши все, что мы сегодня услышали, Лин. Я позабочусь, чтобы они угодили прямоком в это адское пламя.

Улыбка исчезла с губ, брови нахмурились, пленительное лицо стало суровым. Юноша, похожий на павлина, смотрел прямо перед собой, его еще по-детски круглый подбородок напрягся. Это был не кто иной, как наследный принц Ван Вон. Его благородного спутника звали Ван Лин, он был третьим сыном Ван Ёна, высокопоставленного сановника из королевского рода, и лучшим другом наследного принца.

Эти двое, переодевшись, появились на улицах Кэёна, потому что наследный принц захотел послушать, о чем говорят жители столицы. Сегодня друзья узнали, что самые

¹ В описанное время евнухи выполняли различные гражданские и военные чиновничьи функции.

² Здесь и далее рабами называются *ноби* — лично зависимая часть населения, низший слой «подлого» сословия *чхоньинов*. Как правило, *ноби* выполняли роль домашних слуг, но также могли использоваться в сельском хозяйстве и ремесле.

приближенные к вану сановники открыто и бесстыдно обманывают народ. Довелось им услышать и сплетни о самом ване, который ничего знать не хочет, кроме охоты, а также о его жене, юаньской принцессе, которая играет с монархом, как кошка с мышкой. Чем больше проклятий в адрес родителей достигали ушей наследного принца, тем сильнее мрачнело его прекрасное лицо и тем реже на чувственных губах играла улыбка.

Внезапно Вон остановился и посмотрел на спутника. Слабая улыбка опять тронула губы, но брови остались нахмуренными.

Со странным блеском в глазах Вон так близко наклонился к Лину, что чуть было не уткнулся носом ему в лицо.

— Мы договорились, что ты не станешь называть меня «высочеством» во время прогулки, забыл?

— Простите, ваше высочество.

— Опять!

— Извини. Я буду осторожнее, — смущенно выдавил Лин.

Его неловкость развеселила наследного принца.

Лин собрался идти дальше, но Вон схватил его за рукав.

— И называй меня по имени.

— Я не могу.

— Неужели не знаешь, как меня зовут?

— Ваше высочество... — очень тихо, но твердо возразил Лин.

Когда Вон услышал отказ, его и без того узкие глаза превратились в две щелки.

— Я здесь не для того, чтобы весь Кэгён узнал, кто я такой. Мы друзья и должны называть друг друга по имени.

— Даже если это приказ...

— Нет, не приказ. Я не могу приказывать другу. Ты вообще меня слушаешь?

Наследный принц упрямо поджал красные губы. Пусть он и сказал, что это не приказ, было понятно, что лучше бы согласиться, если не хочешь несколько дней выслуши-

вать упреки. Лин, прекрасно знавший характер принца, смиренно улыбнулся и уступил. Время от времени Лину становилось неловко за ребячество Вона, но еще чаще он поражался великодушию наследного принца, который действительно относился к нему как к другу, невзирая на свое высокое положение.

Почти сразу за мостом широкая улица, протянувшаяся от западных ворот Соньймун до восточных ворот Сунинмун, пересекалась с самой большой улицей города Намдэга, которая начиналась от главных ворот Кванхвамун и вела на юг. Участок от ворот Кванхвамун до перекрестка был торговым, деловым и культурным центром Корё.

На перекрестке юноши свернули на улицу Намдэга, по обеим сторонам которой теснились торговые лавки. В отличие от конной ярмарки здесь было не протолкнуться. Судя по всему, большинство пришло за бесплатной рисовой кашей. Ее получали в большом шатре, где стояли огромные глиняные горшки *онги*. Все сами накладывали или скорее наливали кашу — ее традиционно готовили жидковатой — для этого рядом лежали чаши и черпак. Кашу мог есть любой, независимо от социального статуса, и, конечно, это был самый желанный подарок для бедноты. Обычай существовал издавна: время от времени милосердие проявляли королевский двор и богатые буддийские монастыри. Однако сегодня благодетелем был лично Ван Вон. Наследный принц и его друг с удовольствием наблюдали, как люди идут и идут к шатру за бесплатной едой.

— Ваше высочество, разве мы не возвращаемся во дворец? — спросил Лин, когда его спутник неожиданно повернул на юг к мосту Нактхагё.

— Лин, ты опять забыл, — упрекнул его Вон, вместо того чтобы ответить.

Наследный принц юркнул в переулок, где теснились домики с соломенными крышами, и Лин, которому по-прежнему с трудом давалось обращение на «ты» и без ти-

тула, последовал за ним. Через какое-то время они дошли до большого красивого дома с черепичной крышей. Еще дальше прятались, словно крабы в песке, совсем бедные хижины. В Кэгёне можно было увидеть любое жилье, какое только умели строить в Корё; богатые дома и лачуги часто располагались совсем близко друг к другу.

Место, в котором оказались юноши, даже по меркам Кэгёна было слишком неприглядным и жалким. В основном тут жили одинокие старики и дети-сироты, потерявшие близких во время монгольских нашествий. Впервые друзья забрели сюда несколько месяцев назад. Наследный принц, которого до глубины души потрясло увиденное — особенно бледные и худые, точно скелеты, дети, — дал себе слово как можно чаще устраивать на рынке раздачу бесплатной рисовой каши. Сейчас он вернулся сюда, чтобы убедиться, что детям достается хоть немного еды.

Мимо юношей пробежала стайка детей. Их щеки покраснелись, точно цветущие розы. На губах принца заиграла улыбка.

Лин, наблюдавший за ребяташками, но не выпускавший из виду и своего спутника, тихо сказал:

— Эти дети не голодны, но они поели не на рынке.

Наследный принц недоверчиво приподнял бровь, но Лин оказался прав: с той стороны, откуда прибежали дети, донесся запах еды. Похоже, что-то происходило в глубине переулка. Друзья быстро пошли вперед и вскоре увидели шатер, откуда выходили местные бедняки, державшие в руках миски с дымящейся едой. Вон раздвинул полы шатра и вошел внутрь, Лин не отставал от него ни на шаг.

Внутри шатер почти не отличался от тех, что устанавливали на улице Намдэга. Большой котел с кашей, груда деревянных мисок. Разница заключалась в том, что рис накладывала толстая приземистая женщина лет сорока, тогда как на рынке люди брали еду сами. Рядом с женщиной трудилась помощница, которой на вид было чуть за двадцать, — она следила за тем, чтобы каша немного остыла,

и только потом вручала тарелки. Внутри шатра аппетитный запах еды мешался с кислым запахом, исходившим от тряпья бедняков. Толстая женщина сразу заметила необычных гостей, и ее маленькие глазки-фасолины уставились на вошедших. Взгляд был недобрый и подозрительным: женщина явно не верила, что юноши пришли за едой. Ее помощница, напротив, без колебаний вручила миски с рисовой кашей красивым юным незнакомцам.

Увидев, как Вон, не моргнув глазом, взял миску, толстуха проворчала, помахивая черпаком:

— На рынке не могли поесть? Зачем сюда приходите?

— Госпожа велела кормить всех, — ответила помощница, легонько толкнув женщину локтем.

Вон прихлебнул кашу и широко улыбнулся, девушка тоже расплылась в улыбке. Она не могла отвести от него глаз.

Вон добродушно спросил:

— Госпожа? Разве кашу раздают не благодаря наследному принцу?

— Его кашу раздают на рынке, а это пожертвование единственной дочери Ёнъин-бэка¹ из королевского рода. Когда старики и дети, живущие здесь, приходят на рынок, к ним не очень-то хорошо относятся: жалуются на запах, подозревают в воровстве. Так что получить там еду здешним жителям очень непросто. Поэтому госпожа отправила нас сюда. Мы приходим раз в три дня.

— А почему просто не оставить черпак и миски, чтобы каждый сам брал еду?

— Госпожа говорит, что старики и дети здесь такие голодные, что набросятся на горячее и сделают себе еще хуже. Она велела студить кашу и только потом раздавать. К тому же дети могут не справиться, еще обожгутся о горячий котел.

¹ Пэк / -бэк — титул эпохи Корё, примерно соответствующий европейскому графу. Добавлялся к географическому названию пожалованного владения.

Губы Вона округлились от удивления.

Помолчав, он сказал:

— Ваша хозяйка поистине добра. Значит, дочь Ёнъин-бэка?

— Именно так. Госпожа устраивает раздачу пищи здесь, потому что люди не могут получить бесплатную еду, которую раздают по приказу наследного принца. Она поступает так всякий раз, когда на рынке кормят народ.

— Наша госпожа не хвастает добрыми делами, поэтому все и думают, что эта каша тоже от наследного принца. Если доели, идите отсюда, не мешайте кормить детей, — грубо встряла в разговор толстуха.

Однако Вон лишь отступил от стола, давая проход детям, тянувшимся за мисками с кашей, и спросил недружелюбную женщину:

— Означают ли ваши слова, что благодетельствует госпожа, а пожинает лавры наследный принц?

— Наша госпожа говорит, что следует благородному примеру наследника, — опережая толстуху, быстро ответила молодая помощница.

Женщина, по-видимому, решила больше не обращать внимания на незваных гостей и принялась орудовать черпаком.

Вону понравились слова девушки, и он со значением взглянул на Лина:

— Как хорошо сказано! Госпожа не только добра, но еще и умеет красиво говорить. Интересно, как она выглядит, да, Лин?

Лин молча кивнул. Чтобы в ответ не называть принца по имени, он решил просто не говорить ни слова. Разгадав его уловку, Вон хмыкнул и слегка сморщил нос. Отвернувшись от безмолвного спутника, он вновь взглянул на девушку, которая не сводила с него сияющих глаз и была готова ответить на любые вопросы.

— Осмелюсь предположить, что ваша госпожа столь же красива, сколь и добра.

— Ох, она была настоящей красавицей...

— Была? То есть сейчас она изменилась?

— Теперь у нее на лице большой шрам. Ей приходится носить шелковую повязку, чтобы его скрывать.

— Не может быть! Что же случилось?

— Несколько лет назад, когда она путешествовала вместе с матушкой, на них напали разбойники. Они жестоко расправились с матушкой, а молодая госпожа чудом осталась жива.

— Какое несчастье!

— И не говорите. Бедная наша госпожа! Она теперь не выходит из дома и прячет лицо под повязкой. Одна радость — из-за этого шрама ее не отправят в Юань вместе с другими девушками.

— Разве ее могут отправить к монголам, если она единственная дочь вельможи из королевского рода?

— Неужели вы ничего не знаете? Господин Ёньин-бэк очень богат, и ни для кого не секрет, что королева положила глаз на его богатство. После смерти господина имущество достанется его единственной дочери, вот он и боится, что жадная королева велит ей ехать в Юань.

— Чхэбон, несносная девчонка! Сколько раз велела тебе не трепать языком! Не ровен час, нам обеим не сносить головы! — прикрикнула толстуха, грохнув черпаком по котлу, и полоснула острым взглядом по Вону, который горько молчал, услышав сплетню о матери. — Хватит выпрашивать и идите уже отсюда. Вы, похоже, ребята из благородных семей, но все равно не ровня нашей госпоже.

Вон проигнорировал женщину с маленькими глазками и опять обратился к Чхэбон:

— А кто именно говорит, что королева завидует богатству Ёньин-бэка? Да еще так сильно, что готова отослать его дочь в Юань?

Девушка лишь пожала плечами, но все же ответила, когда Вон подарил ей улыбку:

— Да все говорят. О жадности королевы знает в Кэгёне каждый. Разве вы не слышали, что по ее приказу угнали